

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Юлии Евгеньевны Грачевой «Формирование
Министерства народного просвещения Российской империи и его
деятельность в начале XIX века», представленную на соискание
ученой степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.1. Отечественная история

Диссертация Ю.Е. Грачевой — фундаментальное, обширное двухтомное исследование, являющееся результатом многолетних научных штудий. С одной стороны, тематика, связанная с становлением системы образования в Российской империи в эпоху Александра I, привлекала внимание очень широкого круга историков. С другой стороны, до последнего времени в ее изучении оставались очень существенные пробелы прежде всего в области того, как реформы реализовывались на практике. Сразу отметим, что диссертанту удалось на основании очень системного фундированного исследования источников добиться важных новых результатов, где-то интегрировав, а где-то и существенно пересмотрев построения предшественников. Диссертация совершенно обоснованно включает в себя отдельную главу, посвященную источникам и литературе предмета. Автор очень подробно описывает достижения предшественников и основные комплексы задействованных в труде источников. Насколько я понял, параграф об источниках пока не опубликован в научной печати. Честно говоря жаль, поскольку он может служить блестящим путеводителем по архивным и опубликованным материалам, связанным с МНП интересующего периода. Историографический раздел также очень основателен. Пожалуй, здесь единственная претензия к автору у меня относится к близкому для оппонента Санкт-Петербургскому учебному округу. Я почему то не нашел ссылок ни на первое фундаментальное

исследование А.С. Воронова («Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828»), ни на известные труды Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина, в которых подробно рассматривался процесс эволюции университетского образования в Санкт-Петербурге от Академической гимназии и Учительской семинарии к Педагогическому институту, Главному Педагогическому институту, а, затем, к Императорскому Санкт-Петербургскому университету. Разумеется, с их точкой зрения можно не соглашаться, но обходить их труды вовсе, на мой взгляд, не следует.

Заявленные во Введении предмет, объект, хронологические рамки исследования возражений не вызывают. Цель работы мне кажется несколько суженной для такой темы, поскольку помимо управления системой учебных заведений МНП имело и другие сферы деятельности. Однако, я отдаю себе отчет формальном характере этого замечания. Главное другое – диссертант последовательно сформулировал цель, задачи и убедительно их решал. Успеху способствовала четкая структура диссертации, которая распадается на пять глав, а также Введение, Заключение, «Источники и литература» и Приложение.

Вслед за главой, посвященной источникам и литературе, автором помещена глава 2, содержание которой связано с предысторией и контекстом реформ Александра I. Для меня очень интересно было то обстоятельство, что диссертант фактически показывает синхронность многих европейских и российских преобразований XVIII столетия. Ю.Е. Грачева подробно и интересно пишет о деятельности Московского университета и Комиссии об учреждении народных училищ, Главного народного училища, инициативах и трудах И.И. Шувалова, Г.Н. Теплова, И.И. Бецкого, В.Г. Орлова, Ф.И. Янковича де Мириево. В данном контексте

для меня не совсем ясно, почему автор обходит вниманием академическую гимназию и деятельность Е.Р. Дашковой.

3 глава рецензируемой диссертации носит название «Организация Министерства народного просвещения и разработка образовательной реформы в 1802–1804 годах». В этом тексте Ю.Е. Грачевой удалось блестяще реконструировать как замысел организации министерства, так и идейные основания реформы, то как она воплощалась на практике. Здесь много интересных наблюдений. Автор показывает, в частности, как зарождалась сама сетка университетских чинов (Т.1, с.128-129), пенсионного обеспечения (Т.1, с.165), бессословности университетского образования (Т.1, с.203), унификации уставов российских университетов (Т.1, с.214, 222-223) и многое другое, что стало основой университетского уклада в Российской империи. Наиболее важными здесь мне кажутся реконструкции, связанные с идеей автономии университета (см., в частности: Т.1, с.156-159). Действительно, идея автономии в том виде, в каком она была заложена реформой начала XIX века, включавшая не только выборы ректора, но и принцип самопополняемости профессорской коллегии, имела далеко идущие последствия для социальной истории университетов и для истории «университетского вопроса» в России.

4 глава диссертации рассматривает центральное управление народным образованием в 1805 – 1817 гг. Построение материала носит смешанный биографически-тематический характер: сначала речь идет о фигурах, стоявших во главе министерства и их деятельности, затем о разных аспектах работы МНП. При этом автору удается мастерски выстроить изложение, фактически избежав повторов. Вообще рассматриваемую диссертацию украшает такой стиль подачи материала, в котором перед читателем история учреждений раскрывается через историю людей с их идеями и их интригами. Помимо министров (П.В. Завадовского и

А.К. Разумовского) диссертант дает микропортреты других видных чиновников, в том числе С.Я. Румовского, М.Н. Муравьева, П.И. Голенищева-Кутузова, М.А. Салтыкова и других. В высшей степени любопытно то обстоятельство, что просвещенные реформаторы, управлявшие министерством, почти сразу же оказываются в ситуации, когда вопреки установкам университетского устава вынуждены были вмешиваться в ход корпоративных выборов (см., напр., Т.2, с.79). Другая сфера, которая сразу же потребовала вмешательства в обход установленного порядка и университетских администраций – цензура (Т.2., с.86-87). Хотелось бы, чтобы Ю.Е. Грачева эти наблюдения отразила. Можно ли говорить, что корпоративная автономия и обусловленная ей независимость профессуры, уже на начальном этапе функционирования российской университетской системы вступили в противоречие с её бюрократической природой, выстроенной по принципу централизованной вертикали? Если так, то, что мешало корректировке системы в начале становления?

На взгляд оппонента, с точки зрения задач квалификационной работы диссертацию можно было бы считать успешно состоявшейся и при наличии только упомянутых выше четырех глав. Но в диссертации есть пятая глава, отдельная по своему предмету, и самая обширная по объему под названием «Местное управление народным образованием (1805-1817 гг.)». Автор показывает, как в масштабах империи происходило преобразование екатерининской системы народного образования в александровскую. Ю.Е. Грачева сосредотачивается на нескольких актуальных для этой темы сюжетах, главными из которых являются проблема самого создания новых учебных заведений (гимназий, уездных училищ, приходских училищ) и система бюрократического контроля над ними со стороны учебных округов (прежде всего, т.н. визитаций). Нужно отметить, что эта глава в основном

построена на анализе гигантского по объему архивного материала, на основании обработки которого диссертанту удалось составить масштабные статистические выкладки по каждому учебному округу, представленные как в основном тексте работы, так и в Приложении.

Какую же картину дает нам это исследование? Из изложения диссертанта хорошо видно, с каким трудом реформа внедрялась в социальную реальность, и какая очень разная картина складывалась. Как показывает Ю.Е. Грачева, учебные заведения «старого типа» не только продолжали существовать параллельно с новыми, но долгое время численно доминировали, более того, в некоторых губерниях вместо уездных открывались новые «малые народные училища» (см., напр.: Т.2, с.114). в других же не только не открывались училища нового типа, но и закрывались старые (Т.2, с.116). Насколько можно судить из данных рассматриваемой диссертации, в большинстве случаев, когда автор пишет об открытии училищ, имеется в виду их преобразование по новому плану. Однако в некоторых губерниях (например, в Слободско-Украинской) большинство открытых училищ были новыми учебными заведениями (Т.2, с.130-131). Читатель диссертации хорошо видит сколь разнообразна была ситуация не только от округа к округу, но и от губернии к губернии.

Ю.Е. Грачева на большом материале демонстрирует всю тяжесть института визитаций как для чиновников министерства, так и для профессоров университетов, обреченных не только проверять знания детей в гимназиях и уездных училищах, но и вникать в различные хозяйственные вопросы, в частности проверять «тщательность ведения приходно-расходных книг» (Т.2, с.174). Автор показывает специфику каждого учебного округа, в том числе Санкт-Петербургского, где функции университета в области визитаций выполнял Педагогический институт (Т.2, с.192-193). Его профессорам также пришлось выступать в роли финансовых

ревизоров, например, в деле псковской гимназии (Т.2, с.195). Эти эпизоды мне кажутся важными потому, что диссертация очень хорошо показывает обратную сторону реформы, поставившую университеты, а в данном случае Педагогический институт, который рассматривался как отделение будущего Санкт-Петербургского университета, в центр управления учебным округом. Такой подход по существу превращал профессоров в чиновников, и вряд ли был удачным, не только с точки зрения того, что эти требования шли в ущерб научной стороне профессорского служения, но и потому, что профессора далеко не всегда добросовестно и в полном объеме выполняли свои визитаторские обязанности, а, между тем, в виду как принципов университетской автономии, так и постоянного дефицита кадров, возможности воздействия на них в этом отношении у МНП были весьма ограничены. Автор сам по каким-то причинам не проводит статистических подсчетов, связанных с тем, в скольких случаях проходила ежегодная визитация школ каждой губернии университетскими профессорами. Между тем, видно, что примерный процент выполнения этого правила в целом составляет порядка 15 % за исследуемый период. Однако, судя по приводимым данным (конкретных подсчетов мы также в работе не находим), результативность попечителей, обязанных посещать губернские гимназии и уездные училища не реже чем раз в два года, была еще значительно ниже профессорской, что, в свою очередь, не вызывало особых нареканий министерства. Данных о статистике посещений уездных училищ директорами в работе нет (должны были проходить раз в два месяца), но судя по контексту здесь была похожая ситуация. Иначе говоря — закон систематически не исполнялся, а построенная на визитациях система контроля образовательных институтов носила во многом имитационный характер. Другое дело, что это вероятно, симптом более глубокой болезни государственного организма. Показательно, что отчеты

этого министерства (и не только его) со временем прекратили интересоваться Государственный совет и императора. В этой связи не могу не отметить, что Ю.Е. Грачева вероятно из присущей ей исследовательской осторожности от столь радикальных выводов уклоняется.

Отметим, что в 5 главе диссертант поднимает еще несколько важных тем. В параграфе, рассматривающем институт «почетных смотрителей» училищ Ю.Е. Грачева обращает внимание на то, что «дворяне не были готовы заниматься педагогическим трудом, который» казался им несовместным с дворянским достоинством (Т.2, с.215-216). Это вероятно была одна из центральных проблем реформ образовательной сферы. В этой ситуации решение министерства фактически выводящее назначение «почетных смотрителей» из-под контроля профессорских коллегий, на которое обращается внимание в диссертации, совершенно понятно (Т.2, с.219-220). Но и, конечно, важна тема низового образования, связанного с пробуксовкой процесса открытия приходских училищ, который яркими красками описан в последнем параграфе диссертации. Этот этаж образования, который должен был быть фундаментом остальной системы учебных заведений оказался фактически полностью лишен государственного финансирования.

Основные положения Заключение диссертации обоснованы, с ними следует согласиться. Верными и интересными являются наблюдения автора о том, что выстроенная МНП система учебных заведений при всей ее стройности была достаточно гибкой и допускала «компромиссы» (Ярославская гимназия высших наук, Волынская гимназия, Митавская гимназия) и даже исключения (Царскосельский лицей) не менявшие, тем не менее, ее стройной организации, работу которой удалось запустить в царствование Александра I. Другое дело, что исходя из сказанного выше оппоненту кажется, что Ю.Е. Грачева чрезмерно оптимистична

относительно результатов реформ. Возможно, для подкрепления своего оптимизма диссертанту следовало бы еще более усилить статистические выкладки, касающейся общей динамики образования. Например, согласиться или поспорить с цифрами, которые приводит Б.Н. Миронов относительно продолжительности обучения в России (1807 г. на 1 человека 0,148 лет обучения; на 1817 г. — 0,179, на 1827 г. — 0,222, на 1837 г. — 0,27 [Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 3-е изд., испр. СПб.: Дм. Буланин, 2023. Т. 3. С. 489]). Из изложения автора видно, что картина была разнообразна, но хотелось бы больше обобщенных данных в абсолютных и относительных величинах по типам учебных заведений и числу учащихся.

Характеризуя рецензируемый труд в целом, нельзя не отметить, что перед нами целостное, самостоятельное, фундаментальное исследование, обладающее несомненной научной новизной. Автор не только восстановил ход образовательной реформы, заложившей систему российской высшей и средней школы, но и по существу осуществил картографирование российской образовательной системы изучаемого периода. Замечания и дискуссионные вопросы, приводимые в отзыве, несколько не снижают общего исключительно благоприятного впечатления о работе. Помимо прозвучавших выше, выскажу еще два не столько замечания, сколько соображения/вопроса, следующих из самих построений диссертанта.

Первый вопрос касается проблемы унификации образовательной системы в рамках империи и ее последствий. Из изложения Ю.Е. Грачевой видно, что с одной стороны, унификация, где-то ограничивала «цветущую сложность Империи» и например, в отношении римско-католических училищ в Риге или в (не)открытии сверхштатных уездных училищ в огромной Москве, с другой стороны, если следовать построениям автора способствовала полонизации губерний Виленского учебного округа,

причем причина, этого обстоятельства заключалась в том, что попечитель кн. А.А. Чарторыйский «пользовался особым расположением Александра I» (см.: Т.2, с.160-161). Можно ли в этом контексте говорить о том, что унификация в рамках округа, безропотно утверждаемая Главным Правлением училищ, способствовала дезинтеграции Империи?

Второй вопрос более широкий, он касается системы коммуникаций в среде высшей бюрократии, проиллюстрированный Ю.Е. Грачевой на примере МНП. С одной стороны, диссертант многократно подчеркивает стремление Александра I и министерства следовать закону и общим правилам. С другой стороны, из его же изложения мы видим очевидный nepотизм в назначении ключевых фигур в ведомстве, многочисленные ситуации, когда знакомство с императором или удачно проведенная интрига позволяли общие правила обходить. В связи с этим возникает вопрос, в какой степени в изучаемый период на деле произошел переход в образовательном ведомстве от ручного управления к регулярному бюрократическому государству?

Повторимся, эти соображения носят дискуссионный характер и никак не снижают очень высокой оценки рассматриваемой диссертационной работы, а скорее отражают ее достоинства, поскольку исследование ярко показывает самые разные аспекты тех проблем, с которыми сталкивалась Российская империя на пути образовательной модернизации.

Автореферат и публикации автора отражают содержание диссертации, ее материалы прошли широкую апробацию на российских и международных научных конференциях. Диссертация Ю.Е. Грачевой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям,

определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Юлия Евгеньевна Грачева заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ростовцев Евгений Анатольевич

Контактные данные:

тел.: +7-812-328-20-00, e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

Тел.: +7-812-328-20-00, e-mail: spbu@spbu.ru

20 января 2026 г.